

VI. Защита диссертаций

Код ВАК 07.00.03; 07.00.09

В январе 2013 г. состоялась защита кандидатских диссертаций бывших аспирантов кафедры всеобщей истории УрГПУ А. А. Постниковой «Великая армия Наполеона на Березине: событие – память» (специальность 07.00.03 – Всеобщая история (Новая и Новейшая история) в диссертационном совете УрФУ и И. В. Грибан «Советско-германские отношения 1939–1941 гг. в отечественной и зарубежной историографии» (специальность 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования) в диссертационном совете ИИиА УрО РАН. Ход защиты диссертаций оказался столь волнующим, а дискуссии, развернувшиеся вокруг обеих работ, столь интересными, что редакция «Вопросов всеобщей истории» решила предложить ряд материалов, отразивших некоторые моменты обсуждений.

Отзыв на автореферат диссертации А. А. Постниковой «Великая армия Наполеона на Березине: событие – память»

Диссертационная работа А. А. Постниковой посвящена трагедии на Березине – теме, *навсегда* актуальной не только для российской и французской наций, но и для других европейских народов: немцев, поляков, голландцев и швейцарцев. Для одних это стало величайшей трагедией, смягченной тем обстоятельством, что основному ядру наполеоновской армии всё же удалось спастись, для других – безусловной победой, но не доведённой до конца - отсюда вечные поиски виновного в том виновника. Одним словом, *актуальность выбранной темы*

Постникова Алена Александровна, старший преподаватель кафедры всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета (620017, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26); кандидат исторических наук.

Postnikova Alyona, senior lecturer of the Department of General History of Urals State Pedagogical University (620017, Russia, Ekaterinburg, Kosmonavtov Avenue, 26); PhD.

Телефон/Phone: +7 (343) 235-76-34. Электронная почта/E-mail: alyonapostnikova87@vandex.ru.

Грибан Ирина Владимировна, старший преподаватель кафедры рекламы и связей с общественностью Уральского государственного педагогического университета, директор Музея истории УрГПУ (620017, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26); кандидат исторических наук.

Griban Irina, senior lecturer of the Department of advertising and public relations of Urals State Pedagogical University (620017, Russia, Ekaterinburg, Kosmonavtov Avenue, 26); PhD.

Телефон/Phone: +7 (343) 235-76-81. Электронная почта/E-mail: gribanirina@gmail.com.

сомнений не вызывает, и последним свидетельством тому является празднование по всей России 200-летия Отечественной войны 1812 г., которое завершилось именно на берегах Березины, где в присутствии посла Франции в Беларуси были открыты новые памятники в честь этого события.

Цель работы, объект и предмет исследования, методологические подходы изложены в автореферате достаточно чётко и ясно. *Источниковая база* диссертации весьма солидна и разнообразна, она включает как русские, так и иностранные источники, что особенно важно для отечественной историографии, ибо долгие годы описанием этой войны занимались лица, не разумевшие иностранных языков со всеми вытекающими отсюда печальными последствиями. Правда, здесь встретились две досадные ошибки: Л. Либенштайн никак не относится к числу мемуаристов, а имя настоящего мемуариста правильно писать так: О. В. К. Рёдер фон Бомсдорф. На месте соискательницы мы попытались бы выяснить, кем же являлся D'Aurias, которого некоторые источниковеды объявили начальником штаба 3-й кирасирской дивизии.

Историографический обзор достоин похвалы, часть которой, несомненно, следует отнести по адресу научного руководителя диссертантки. Оценки зарубежных работ в целом объективны. Мы лишь не можем согласиться с оценкой Постниковой американской историографии, как наиболее объективной – при всех её плюсах она откровенно вторична. К работе А. Микаберидзе о Березине мы бы отнеслись с особенной осторожностью, поскольку, как свидетельствует его книга о Бородинском сражении, автора, при большом желании и наличии свободного времени, запросто можно обвинить в плагиате. К швейцарской историографии следовало бы добавить ещё одну книгу, где собраны цитаты из большого количества воспоминаний⁵⁹⁷.

Спорным показалось нам заявление диссертантки, что Наполеону «удалось обмануть русское командование, но неложной переправой, а теми действиями, которые предшествовали событиям на Березине». Зачем здесь противопоставление? Разве адмирал П. В. Чичагов не «попал на удочку» ложной переправы?

Мы согласны с выводом Постниковой о том, что «с течением времени описание произошедшего события всё более упрощалось, что создавало благоприятную основу для формирования научных мифов». Этот вывод приложим ко многим событиям войны 1812 г. Многое, о чём пишет диссертантка, мы слышали 23–24 ноября 2012 г. на конфе-

⁵⁹⁷ Furrer D. Soldatenleben Napoleons Russland feldzug 1812. Zürich: Ferdinand Schöningh Verlag, 2012.

ренции в Минске, а также в официальных речах, произнесённых па Березине.

Не скроем, что уже при чтении "Введения" у классического историка возникают серьёзные сомнения в научной состоятельности той новомодной методологии, которую Постникова восприняла от западных авторов, каковых мы даже не рискнём назвать историками. Изобретённая П. Нора и Я. Ассманом «концепция памяти» у обычного историка вызывает большие сомнения. Соискательница отметила, что ещё «анналисты» сосредоточили внимание на изменчивости представлений о прошлом, сделав объектом исследования ментальные стереотипы, исторические мифы и процессы их трансформации. По нашему же мнению, всё это может быть предметом какой угодно другой науки (философии, политологии, социологии, психологии и т.п.) – но только не истории. Это, *sic genetis*, «искусство для искусства», «наука для науки», ибо результаты таких «исследований» могут быть интересны разве что самому узкому кругу «узколобых» философов, но никак не широкому кругу читателей, увлечённых обыкновенной историей. А этих последних, *смею заверить*, по-прежнему интересует лишь классический вопрос старины Л. Ранке: «*Wie es eigentlich gewesen sein*».

Традиционному историку совершенно непонятен смысл подобной «надстройки» над классической исторической наукой, тем более что сами же её изобретатели признают, что "научное направление по изучению исторической памяти никоим образом не стремится "отменить" достижения "позитивистской" истории, но пытается в полной мере опереться на них". Спрашивается, так зачем же "огород городить"? Изучение историографии является делом понятным и необходимым, но какое дело историку до того, что думают о любом историческом событии писатели, художники, сочинители разного рода, политики, журналисты, пешеходы и автомобилисты и прочие *непрофессионалы*? А *rigor* понятно, что вся эта публика, обладая заведомо ущербным и ничтожным объёмом информации, способна нести любую ерунду, и её мнения и суждения всегда будут заведомо вторичными, третичными и даже десятеричными! Неужели это имеет хоть какое-то отношение к исторической науке?

Мы окончательно убедились в дефективности подобного «методологического подхода», слушая доклад «квадриги» немецких сочинителей из г. Фрайбурга на Бородинской конференции 2012 г., когда у нас беспрерывно возникал один единственный вопрос: *какое отношение к самой войне 1812 г. имеет всё это словоизвержение?* Уже в который раз философствующие субъекты (как тут не вспомнить приснопамятных марксистов-ленинцев) пытаются навязать историкам свои схоластические измышления, к самому предмету истории никакого отношения не имеющие.

По этой же причине во 2-й главе диссертации резкое неприятие вызывает "сваливание в одну кучу" исторических исследований, литературных произведений, живописных и графических полотен, кинофильмов, рекламы, статей в СМИ и т.д. и т.п. Помимо прочего, происходит абсолютно неправомерное уравнивание исторической науки с идеологией, пропагандой, рекламой и откровенной попсой. По главное «отторжение» заключается в том, что к самой войне 1812 г. и к её научному изучению всё это не имеет равным счётом никакого отношения.

Впрочем, несмотря на принципиальное несогласие с новомодной западной концепцией, доверчиво воспринятой А. А. Постниковой, следует признать, что произведённый ею в 1-й главе анализ источников о событиях на Березине сделан на достойном научном уровне. Сомнений в научной новизне диссертации не возникает, поскольку мы сами слышали выступления диссертантки на нескольких всероссийских и международных научных конференциях. А посему мы полагаем, что соискательница вполне достойна присуждения ей искомой степени кандидата исторических наук.

*д.и.н., профессор кафедры всеобщей истории
Нововолжской государственной социально-гуманитарной академии,
член международного Наполеоновского общества
А. И. Попов*

Отзыв на автореферат диссертации А. А. Постниковой «Великая армия Наполеона на Березине: событие – память»

Великие юбилеи побуждают историков не только к обобщению уже накопленного документального материала и историографического опыта, но и к построению новых моделей его интерпретации. Ярким подтверждением этого тезиса является кандидатская работа А. А. Постниковой, которая, с одной стороны, предприняла попытку реконструировать один из ключевых моментов военной кампании 1812 г. в духе классической (позитивистской) исторической парадигмы, делающей упор на изучение собственно событийной стороны минувшего; с другой стороны, исследование А. А. Постниковой ставит амбициозную задачу проследить механизм формирования коллективной и индивидуальной памяти о событии крупного, социального масштаба, установив при этом истоки, этапы, направления формирования образа сражения на Березине в памяти его участников и их потомков. В результате такого новаторского соединения объектов (несмотря на данное на с. 4 автореферата определение, этих объектов не один, их два, а

именно само событие и его социальная рецепция) и методов (они тоже кардинально различны для каждого из двух объектов) удастся достичь весьма актуального в сегодняшней историографической ситуации эффекта примирения позитивистского и постмодернистского дискурсов, что, на наш взгляд, является главным теоретическим достижением диссертантки.

В подходе А. А. Постниковой к изучению источников импонирует в первую очередь ее внимание ко всем типам и категориям свидетельств, при этом диссертантка объединяет классические виды текстов (переписка, в т. ч. корреспонденция некоторых корпусов Великой армии из Архива исторической службы Министерства обороны, а также мемуары, пресса) с текстами постмодернистского характера (художественные изображения, кино, игры, музыка, рекламные постеры). Хотя граница между первыми и вторыми обозначена в структуре исследования (первая и вторая главы), переход между ними не жесткий, а скорее взаимодополняющий и взаимообогащающий. Ибо событие порождает память, а память конструирует образ события. И процесс этот непрерывный, как сама социальная жизнь. Что касается предыдущего историографического опыта, то А. А. Постникова демонстрирует отличное знание историографии войны 1812 г., как российской, так и зарубежной, вплоть до 2012 г. Из современных исследований лишь две работы избежали ее внимания: речь идет о последней монографии французского историка Ж.-О. Будона, затрагивающей между прочим и вопрос о формировании памяти о войне 1812 г. в нарративах ее непосредственных участников⁵⁹⁸, а также книгу о коммеморализации событий 1812 г. на территории современной Белоруссии, в т. ч. и организации системы памятных мест монументального характера, авторства белорусского коллеги А. М. Лукашевича⁵⁹⁹.

В диссертационных исследованиях, написанных на постсоветском пространстве, редко встретишь практические примеры применения методологических подходов новой социальной истории. Диссертантка успешно оперирует методами интердисциплинарного подхода, черпая творческое вдохновение из работ Ж. Дюби (социология восприятия войны), П. Нора (концепция мест памяти), Я. Ассмана (теория культурной памяти). Единственным нашим пожеланием является прямое обращение к трудам основателя концепта «коллективной памя-

⁵⁹⁸ Budon J.-O. *Napoléon et la campagne de Russie: 1812.* – Paris: Armand Colin. 2012. – 336

р.

⁵⁹⁹ Лукашевич А.М. *Памятники и памятные места 1812 г. в Беларуси.* Милск: Харвест, 2012. – 288 с.

ти» французского психолога и социолога Мориса Хальбвакса⁶⁰⁰. Важно также заметить, что в последнее время концепция П. Нора, основанная на весьма жестком противопоставлении памяти точной, т. е. научно-документального знания и виртуальной памяти общества, положенная в основу исследования А. А. Постниковой (с. 3), все чаще подвергается критике вследствие слишком категоричного игнорирования следующего фактора: исследователь, работающий с архивами, сам является идейно-метальным конструктом его социального окружения, узником его общественной системы, язык и понятийная система творца исторического нарратива являются плотью от плоти общественного дискурса, поэтому и точное историческое знание подвержено размышлению последним. С другой стороны, не учитывается та автономная роль, которую играют исследователи в процессе формирования коллективной памяти об исторических событиях⁶⁰¹. В таких странах как Франция или Германия влияние историков на процессы формирования коллективной памяти являлось в 19 веке весьма ощутимым.

Особо следует оговорить соотношение между коллективной памятью и коллективными представлениями, индивидуальной памятью и индивидуальными представлениями, ибо понятие «образ события», которое фигурирует в исследовании А. А. Постниковой, тесно связано с теориями и практикой современной когнитивной психологии, изучающей процессы воображения. Поэтому говорить только о памяти уже недостаточно. Чтобы понять, как формируется ее содержание, для этого следует учитывать процессы взаимодействия между памятью и образами представлений, ибо сама по себе память лишена функции образного мышления. Вследствие упущения этого фактора в диссертации произошло заметное в некоторых моментах упрощение образа событий в коллективных психических процессах. Слишком доверившись в отдельных моментах нарративу национальной историографии (нарративная история – не вполне история, а имеет хождение наряду с литературой, особенно это видно в случае с польской исторической традицией), исследовательница приняла за «чистую монету» отзывы мемуаристов и историков о Березине, как славной странице польского оружия. В то же время следовало разделить патристический конструкт и неоднозначную в своей структуре память о событии, в основе которой лежали две тенденции польской памяти о

⁶⁰⁰ Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. Москва: Новое издательство, 2007. 348с.; Его же. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2–3.

⁶⁰¹ См.: Гири П. История в роли памяти? // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. – Вып. 7. М., 2011. – С. 111.

Наполеоне – «золотая» и «черная» легенды, боровшиеся между собой на протяжении и 19. и 20 вв.⁶⁰² В исторической основе второй лежало и сильное неприятие наполеоновской Франции в среде польской шляхты, и разочарование сторонников Наполеона результатами его деятельности на Востоке Европы. Уже в первые дни после Березины эта негативная память оформилась не столько в героические образы, сколько в резкие обличения Наполеона, и стала травматической памятью о жертвах, положенные на алтарь чужих амбиций. Здесь основным источником должны служить не нарративные повествования, созданные впоследствии в назидание потомкам, а активные материалы, например записанное в конце декабря 1812 г. секретным австрийским агентом в Варшаве высказывание адъютанта французского императора Ю. Сулковского: «Я всегда верил в Бога, но с того момента, когда я стал очевидцем ужасных сцен на Березине, – стал богомольным; я увидел всемогущего Бога, нанесшего поражение человечеству: начиная с того дня, Наполеон стал в глазах своих солдат таким же обыкновенным человеком, как и все остальные»⁶⁰³.

В связи с изучением тенденций отражения образа событий в коллективной памяти, мне хотелось бы высказать еще одно критическое замечание, почерпнутое из личного опыта многолетнего проживания во Франции. Действительно понятие «Березина» весьма часто фигурирует в современном политическом и интеллектуальном дискурсе этой страны в качестве синонима затруднений, но в то же время его нельзя сравнить с образом Ватерлоо ни по силе отражения массовым сознанием, ни по насыщенности представлений об истории эпохи Наполеона в связи с нашей деятельностью. Ватерлоо является в современной французской историографии примером исследования исторической памяти в рекламном дискурсе⁶⁰⁴ и могло бы послужить теоретической моделью для исследования памяти о Березине. Также следует считать преувеличенным и упоминание диссертанткой о Березине как метафорическом образе трудностей во всем современном Евросоюзе (с. 1): сия метафора присутствует исключительно во французском национальном дискурсе. Как, впрочем, явственно показало само иссле-

⁶⁰² См. подробнее: Zahorski A. *Z dziejów legendy napoleońskiej w Polsce*. – Warszawa: Państw. Zakłady Wydawnictw Szkolnych, 1971. – 192 s.

⁶⁰³ Цит. по: Ададунов В. В. Пришествие Наполеона, или эссе о конфликте религиозных мировоззрений в Восточной Европе // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. – М.: ГИМ, 2012. – С. 54.

⁶⁰⁴ См.: Touilliet-Feyrabent H. *Quant la publicité réécrit l'histoire // Napoléon, images de la legend / Préface de J. Tulard*. Paris: Musée de l'images de la ville d'Epinal, 2003. – P. 71–75.

дование А. А. Постниковой. коллективная память об этом событии в большинстве национальных традиций (представленных нарративами участниками этого события и их исследователями) давно утеряна. Березина уже в 20 в. не являлась местом памяти ни в немецкой, ни в итальянской, тем более не являлась она таковым уже в 19 в. ни в английской (несмотря на одинокое свидетельство полковника Вильсона), ни в американской. Введение последних параграфов выглядит искусственным и восходит, очевидно, к несводимому к одному знаменателю отождествлению историографии и памяти.

Несмотря на высказанные выше критические замечания и пожелания, диссертационное исследование А. А. Постниковой даже в виде автореферата оставляет наилучшее впечатление, как своим оригинальным теоретико-методологическим, так и глубоким фактическим содержанием, большинством выводов весьма убедительны и отражены в представительном перечне публикаций, озвучены на ряде международных форумов. Диссертантка полностью заслуживает по результатам проведенного ею исследования присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности «Всемирная история».

Вадим Ададуров,

*доктор исторических наук по специальности «Всемирная история»,
доцент, зав. кафедрой всемирной истории нового и новейшего времени
высшего учебного заведения «Украинский католический университет»,*

Львов, Украина

СТЕНОГРАММА

**Заседания Диссертационного совета Д 004.011.01 при ФГБУН «Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук»,
г. Екатеринбург, 30 января 2013 г.**

(фрагмент)

ДИССЕРТАНТ: <...> Основные результаты исследования. Исследование национальных историографических традиций изучения советско-германских отношений 1939–1941 гг. показало, что в изучении Второй мировой войны и ее предыстории для каждой из рассмотренных стран были свои ключевые моменты, обусловленные теми ролями, которые играли эти государства в международном политическом кризисе 1939 г., а также особенностями их политического развития в послевоенное время.

Уже в первые послевоенные десятилетия в СССР, Германии, Великобритании и США были заложены основы национальных историографических традиций изучения советско-германских отношений 1939–1941 гг. Эти традиции впоследствии под влиянием разных факторов трансформировались, но в той или иной степени присутствуют в исторической науке этих стран до сих пор. Так советская традиция изучения советско-германских отношений 1939–1941 гг. хотя и была значительно трансформирована к середине 1990-х гг., но не преодолена полностью. В последнее десятилетие в российской исторической науке наблюдается все большее стремление вернуться к традиционной, связанной с эпохой Холодной войны, трактовке предвоенного политического кризиса в целом и советско-германского договора о ненападении в частности. Все большая инструментализация исторической политики позволяет говорить о том, что для России по-прежнему характерна «манипулируемая память» о событиях прошлого.

Развитие немецкой историографии советско-германских отношений 1939–1941 гг. было обусловлено разделом Германии и Холодной войной. Историческая память немцев о трагических событиях оказалась «раздвоенной». Историки и общество ГДР отказались от вины за прошлое, сделав основой для национальной идентичности антифашизм. Историография в Восточной Германии развивалась под влиянием и неусыпным контролем советской исторической науки, а временами была даже более ортодоксальной и устойчивой к изменениям, чем в Советском Союзе. Объединение Германии, казалось бы, означало и крах исторической науки ГДР. Однако историографическая традиция, сформированная на протяжении четырех десятилетий, оказалась достаточно жизнеспособной.

Общественность и наука Западной Германии были в более сложной ситуации – им пришлось пройти своеобразный путь осмысления прошлого: от стремления «вытеснить» из памяти, забыть неприятные воспоминания, доминирующие в конце 1940-х–1950-х гг., до признания вины немцев и осознания того, что необходимо реалистично оценить прошлое, чтобы не допустить повторения трагических событий в будущем. Для современной Германии характерна «память-долг»: политики демонстрируют, что немцы успешно прошли сложный путь «преодоления прошлого», историки подводят под этот процесс документальную основу, в то время как «обычные немцы» (особенно молодое поколение) по-прежнему воспринимают поражение Германии в 1945 г. как самую страшную национальную катастрофу.

Несмотря на ярко выраженное своеобразие англо-американской традиции изучения советско-германских отношений 1939–1941 гг., можно выделить ряд черт, которые во многом напоминают особенности развития памяти об этих событиях в СССР, ФРГ и Франции. Во-первых, обращает на себя внимание стремление найти конкретных виновников трагического

хода событий. В Великобритании это были «умиротворители», а затем – лично Н. Чемберлен, в ФРГ в первые послевоенные десятилетия главным виновником всех бед немецкой нации объявили Гитлера, а в СССР в 1960-е гг. ответственность за катастрофическое начало Великой Отечественной войны возложили на Сталина. Во-вторых, упадок империи, ностальгия по быломu имперскому величию сначала породили такое течение, как ревизионизм, отрицающий абсолютность упадка, а затем – постревизионизм, в рамках которого частично возродилась черчиллевская («ортодоксальная») версия происхождения Второй мировой войны. Своеобразная ностальгия по быломu величию страны влияет на развитие историографии и во Франции, и в современной России, и в какой-то степени – в Германии (особенно в восточной ее части, где даже возник своеобразный термин – «остальгия»). В-третьих, аргументация сторонников «ревизионистской школы» во многом напоминала точку зрения апологетов официальной советской версии происхождения Второй мировой войны: вынужденность принятия решений, их оправданность и рациональность в сложившихся в 1930-х гг. условиях; возможность за счет соглашений с Гитлером на какое-то время отодвинуть начало войны.

Подобно тому, как это происходило в СССР и в Великобритании, во Франции долгое время также существовала «ортодоксальная» версия истории Второй мировой войны, центральным элементом которой стало Соппротивление, и которая начала возвращаться на страницы исторических трудов в начале 2000-х гг.

После распада Советского Союза и крушения социалистического блока на постсоветском пространстве начинается формирование национальных историографий. Особый интерес представляет историографическая традиция, получившая развитие в Польше после крушения социалистического блока, истоками которой стали труды польских историков-эмигрантов. «Новая историографическая традиция» стран Балтии основана на осуждении советской внешней политики конца 1930-х гг. Идеологический конструкт оккупации, а затем – освобождения от неё выполняет сегодня в Латвии, Литве и Эстонии интегративную функцию, а сам пакт стал своеобразным «местом памяти».

Таким образом, историография советско-германских отношений 1939–1941 гг., являясь неотъемлемой частью историографии Второй мировой войны в странах, которые принимали непосредственное или косвенное участие в международном кризисе 1939 г., имеет ярко выраженную национальную специфику, что позволяет говорить о существовании национальных историографических традиций. В основе формирования этих традиций лежит комплекс исторических, идеологических, политических факторов. В предьстории и истории войны исследователи разных стран выделяют те ключевые моменты, которые имеют особое значение для исторической памяти общества и формирования национальной иден-

тичности. Различные основания для идентичности вступают в конфликт и не позволяют исторической памяти и исторической науке существовать отдельно от политики.

<...>

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Ну и все-таки. Вы говорите о появлении источников: появились секретные протоколы. Вы уверены в их подлинности? Ведь долгое время были сомнения? Какова Ваша точка зрения, как историка?

ДИССЕРТАНТ: По поводу истории с секретными протоколами: на данный момент опубликованы сведения, и в 1992 г. они были подтверждены на государственном уровне, что секретные протоколы были обнаружены в папке за номером 34 в Президентском архиве. На данный момент эти протоколы большинством исследователей признаны, в том числе, и большинством отечественных исследователей. Мы не считаем себя достаточно компетентными, чтобы сказать, что эти протоколы не существуют, когда и мировая, и российская общественность их уже признала. Что касается сомнений по поводу их подлинности, действительно, они были и до сих пор остаются. Ряд исследователей в 2009 г. выпустили по этому поводу труды. Например, вышел труд Алексея Кунгурова, который выдвинул версию, что все секретные протоколы – это фабрикация, и их на самом деле не было. На мой взгляд, самым главным критерием их подлинности являются последующие события, которые показали, что советско-германские договоренности были.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: А какие последующие события могли это доказать?

ДИССЕРТАНТ: Внешняя политика Советского Союза в конце 1930-х гг.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: А папка № 34 – это что за папка? Что за фонд? Откуда? Когда она сформирована?

ДИССЕРТАНТ: Исследованием этих документов занималась комиссия, в которую входил Л. А. Безыменский, и который в свое время в 1989 г. занимался и вопросами подлинности. По этому поводу он отмечает, что эти пакеты – № 34 и № 35 (в 35-ом пакете хранились большие карты Польши) до октября 1952 г. находились у В. М. Молотова, затем были переданы в Общий отдел ЦК, затем в шестом секторе Общего отдела ЦК протоколу был дан номер: фонд № 3, опись 64 на 26 листах. В свою очередь, эта «единица хранения» была вложена в «закрытый пакет» № 34, а сам пакет получил свой номер и заголовок «Советско-германский договор 1939 г.». Внутри пакета лежала опись документов, полученных из МИД СССР, всего 8 документов, среди них: секретный дополнительный протокол, разъяснение к нему от 28 августа по поводу включения в разграничительный рубеж р. Писса, доверительный протокол от 28 сентября, секретный протокол «Об изменении сфер интересов» от 28 сентября, протокол

«О недопущении польской агитации» от 28 сентября, протокол об отказе Германии «от притязаний на часть территории Литвы» от 10 января 1941 г., заявление о взаимной консультации от 28 сентября 1939 г., обмен письмами об экономических отношениях. Таким образом, современные российские историки (такие, как М. И. Мельтюхов, В. А. Невежин), занимающиеся советско-германскими отношениями, признают, что эти документы действительно *были* и что они подлинные.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я считаю Ваш ответ удовлетворительным.